

С.И. Кормилов

«Есть речи...»

<...>

В стихотворении «Есть речи — значенье...» затронута тема «невыразимого», особенно известная благодаря Жуковскому, но не раз встречавшаяся и у раннего Лермонтова. Однако к ней стихотворение далеко не сводится. Слову как таковому здесь предпочитают «звуки», имеющие, по-видимому, неземное происхождение, как смутно запомнившийся душе звук песни небожителя в «Ангеле». В некоторых «речах» и проявляется этот невыразимый смысл, который гораздо больше и важнее их «значенья». Он недоступен толпе, поскольку выражающее его слово — не обычное слово, оно рождается чудесным образом и противоположно «шуму мирскому». Среди этого шума и «не встретит ответа... / Из пламя и света / Рожденное слово». В «Ангеле» душа лишь «долго на свете томилась» по услышанной до земного рождения песне. В стихотворении, написанном через восемь лет, чудесное слово может внезапно где угодно озарить лирического героя — «в храме, средь боя / И где я ни буду», оно сразу будет узнано и немедленно вдохновит на действие, которое важнее и молитвы и битвы (это антонимы, но у Лермонтова сопоставимые, как в том же «Поэте»).

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Вместе с тем эти звуки несут в себе эмоции, близкие к любовной страсти — или описываемые поэтом подобно ей за неимением адекватных слов:

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Лермонтов и не пытается приблизить читателя к пониманию конкретного содержания волшебных «речей» и даже не говорит прямо, откуда они исходят. Может быть, отчасти поэтому он и выбирает короткий, тесный размер — 2-стопный амфибрахий, как бы ужимает 4- и 3-стопный амфибрахий «Ангела».

«Есть речи — значенье...» можно сопоставить с тем, что пишет Л. Гинзбург о поэтической речи зрелого Лермонтова: «В своей поздней лирике Лермонтов устанавливает новое для него отношение между словами и вещами. Слово стремится теперь быть не больше, а меньше своего предмета, оно недоговаривает». Однако в стихотворении «Есть речи — значенье...» не сказано, что человек, способный узнать волшебные звуки и действительно отреагировать на них, — непременно поэт. Стихотворение это о большем, чем поэзия, — о приобщении к тайнам бытия.

<...>